Рюноскэ Акутагава

1892 - 1927

«Он хотел жить так неистово, чтоб можно было в любую минуту умереть без сожаления.»

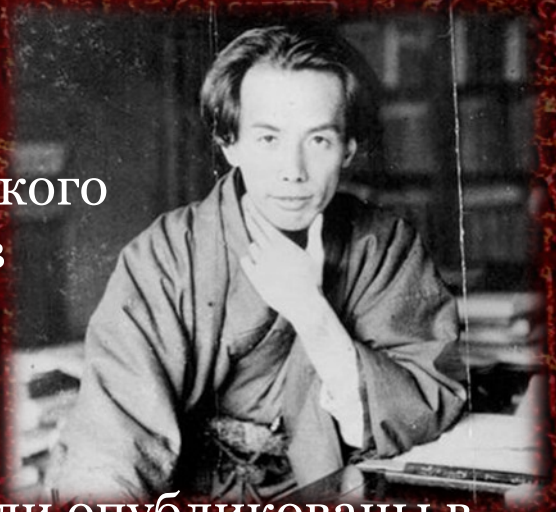
"Три открытия Акутагава Рюноскэ"

Аркадий Стругацкий

Он родился в Токио утром 1 марта 1892 года, или, по старинному времяисчислению, в час Дракона дня Дракона месяца Дракона, и потому его нарекли Рюноскэ, ибо «смысловой» иероглиф этого имени «рю» означает «дракон».

Когда ему исполнилось девять месяцев, его мать сошла с ума, и младенца, по закону и по обычаю, передали на усыновление и воспитание в бездетную семью старшего брата матери, начальника строительного отдела Токийской префектуры Акутагавы Митиаки. Так маленький Рюноскэ утратил фамилию Ниихара и получил фамилию Акутагава, покинул вульгарные кварталы Кёбаси и дом невежественного нувориша из далекой западной провинции и поселился в старинном Ходзё.

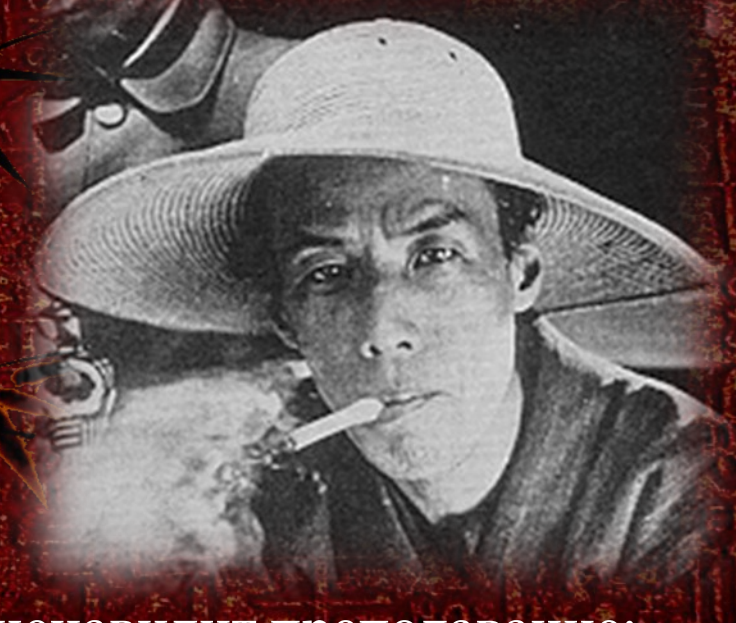
Первоначальную — и весьма основательную — культурную закалку он получает в доме своего приемного отца; учится он прекрасно и со школьных лет увлекается чтением японской и китайской классики; в одиннадцать лет он редактирует и оформляет рукописный журнал, который «издает» совместно с одноклассниками, а с четырнадцати лет принимается читать Франса и Ибсена; в двадцать лет, учась на литературном отделении так называемой высшей школы, без памяти и без разбора погружается в чтение европейских поэтов, прозаиков и философов, в том числе Бодлера, Стриндберга и Бергсона.



В 1913 году Акутагава поступил на отделение английской литературы Токийского императорского университета и вскоре взялся за первые опыты в беллетристике.

Его рассказы «Маска хёттоко» и «Расёмон» были опубликованы в солидном ежемесячнике . У него уже складывались свои оригинальные взгляды на роль и задачи литературы.

После окончания университета в декабре 1916 г. Акутагава получает должность преподавателя английского языка в Военно-морской школе. Свою жизнь в эти годы впоследствии он опишет в цикле новелл об учителе Ясукити - честном, но несколько непутевом человеке, который попадает в разные забавные и



Своей будущей жене он писал, что люто ненавидит преподавание: "Стоит мне увидеть лица учеников, как сразу же охватывает тоска, и тут уж ничего не поделаешь. Но зато я моментально оживаю, когда передо мной бумага, книги, перо и хороший табак". Тем не менее это были самые плодотворные годы в его жизни - за девять месяцев он написал около двадцати новелл, эссе и статей.

Двадцатичетырехлетний студент после долгих раздумий о своей теме в литературе, о своих литературных принципах и о своем собственном литературном методе пришел приблизительно к таким выводам:

- моей темой должна быть бесконечная вселенная человеческого духа, человеческая психология;
- мои принципы сводятся к тому, что литература есть искусство, что бы там ни бубнили всеядные приверженцы простоты и безыскусности, убежденные противники мастерства;
- объектом литературы должна быть психология человека;
- нравы и обычаи имеют второстепенное значение.

Не описанием чувств должна заниматься литература, утверждал Акутагава, а исследованием, анализом психологии.

Инструментом литературного анализа психического мира может быть только одно: событие. Оно, подобно крупинке катализатора, приводит в движение спящую в обычном состоянии человеческую психику, провоцирует ее на самые разнообразные проявления в поступках, анатомирует ее, выворачивает наизнанку.

Событием может быть и вселенская катастрофа — например, война; и личное несчастье — например, неразделенная любовь; и подлая мелочь жизни — например, приобретение новой шинели.

Сюжетные завязки его новелл, рисующих парадоксы и внезапные повороты человеческой психики, восходят к средневековым анекдотам и к эпизодам из военно-феодального эпоса.

Психология человека, рассуждал Акутагава, не изменилась за все эти века, и он вправе анатомировать ее на фоне сколько угодно гротескных обстоятельств, лишь бы они помогали делу.

«Необычайные события», описанные в старину, стали надежным инструментом для исследования механизмов человеческой психологии.

В июле 1918 года в газете «Осака майнити» была закончена публикация одной из самых блестящих новелл Акутагавы — «Муки ада».

«Человеческая жизнь не стоит и одной строки Бодлера». Что стоят человеческие жизни в сравнении с шедевром! Трижды прав был Ёсихидэ, ибо только искусство приносит художнику высшую радость, окупает любые жертвы, оправдывает любые преступления. Целью жизни может быть только искусство, в конечном счете оно является и целью существования рода человеческого, а все остальное — борения страстей, социальные катаклизмы, тяжкий труд крестьянина, хитрости политикана, технология, наука — имеет значение лишь в той мере, в какой может способствовать или препятствовать созданию шедевров.

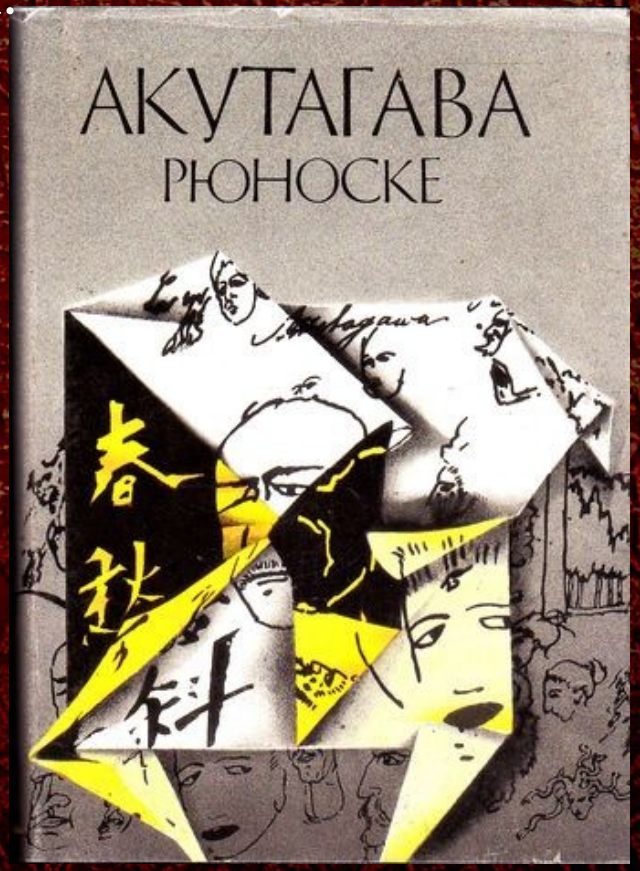
В 1921 году он в первый и последний раз в жизни побывал за границей — по заданию редакции «Осака майнити» пропутешествовал по Китаю и по Корее. Великое землетрясение 1923 года, опустошившее пять префектур, в том числе и столичную, не произвело на него видимого впечатления: во всеуслышание он скорбел только о том, что в чудовищных пожарах погибло много бесценных произведений искусства...

Как и многие другие литературные мэтры, он был неважным семьянином, хотя родил трех сыновей. Страдал от нервного истощения, от каких-то болезней желудочно-кишечного тракта, от ослабления сердечной деятельности.

И он непрерывно, бешено работал.

Акутагава с сыном Хироси

В первой половине 20-х годов в литературную жизнь страны ворвался свирепый ветер коммерции. Теперь уже маститые литераторы толпились в прихожей издателя в трепетном ожидании приема. Издатель диктовал свою волю. Издатель определял, что нужно писать и чего писать не следует. Издатель платил. И начался разгром. Крупнейшие писатели организовывали по примеру Дюма-отца литературные фабрики, на которых нищие студенты за гроши сочиняли для них сюжеты и писали черновики.

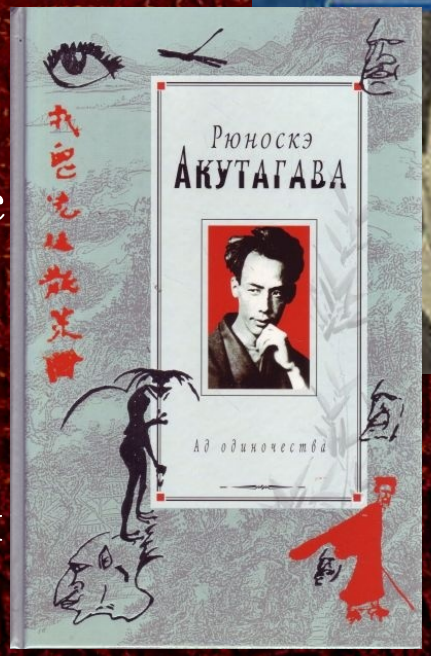


В этом хаосе дешевых соблазнов Акутагава работал как одержимый. Издатели отлично понимали, что помыкать им нет никакой выгоды, — громадный неиссякаемый талант все время держал его в фокусе читательского внимания. Но сам-то он не находил покоя. Поиск, поиск, поиск — вот что составляло суть его деятельности. Одно дело — открыть и усвоить некий принцип. Другое дело — претворить его в жизнь, в слово.

И мысль писателя судорожно билась в недрах неповоротной груды фактов мировой культуры, стремясь нащупать в этом бесконечном разнообразии нечто главное, единственное, незаменимое, некий философский камень, который чудесным образом раз и навсегда решит для него все мучившие его проблемы.

Он понимал, что никакие теоретические построения не удовлетворят его, что один лишь опыт может привести его к правильному решению, и писал рассказ за рассказом, эссе за эссе, танку за танкой.

Его коллеги ныли, публично жалуясь, что писать больше не о чем, а он едва успевал переводить дух — мысли и чувства лились с кисти на бумагу, облекаясь в формы то простые и даже наивные, то странные и причудливые, порой фантастические. Пожалуй, ни один писатель не может похвастать такой жанровой и тематической мозаикой, какую являло собой творчество Акутагавы Рюноскэ.



Он писал много и разнообразно; он пользовался громадным успехом. Сборники его рассказов выходили один за другим и быстро раскупались. В апреле 1925 года его книгой открылась многотомная серия «Собрания современных произведений».

Его критиковали, его поучали, на него клеветали — все это имело мало отношения к тому, что его мучило.

Еще впереди были «мукденский инцидент» и Антикоминтерновский пакт, Пёрл-Харбор и битва на Волге, лагеря уничтожения, «отряды» генерала Исии и атомный гриб над Хиросимой. Но кровавые отблески грядущих потрясений уже дрожали на лице планеты, и он, утонченный, эрудированный и глубоко невежественный в политике художник, с тревогой вглядывался в них, пытаясь понять, что они предвещают.

Он заклинал себя: «Акутагава Рюноскэ! Вцепись крепче корнями в землю! Ты — тростник, колеблемый ветром. Может быть, облака над тобой когда-нибудь рассеются. Только стой крепко на ногах».

Он чувствовал себя все хуже и хуже. Сказывались годы напряженной работы, мучительные болезни, вечный ужас перед сумасшествием, неотвратимо, как ему казалось, унаследованным от матери. Но главным, все-таки, было другое. Страх перед одиночеством с необычайной силой охватил его. Он понял, что висит в пустоте.

Всю свою жизнь он любил только искусство и поклонялся только искусству.

Ясно для него было одно: действительность являет собой ад, в котором хорошо себя может чувствовать лишь «избранное меньшинство» — другое название для идиотов и негодяев. Для него же, Рюноскэ Акутагавы, остается только ад одиночества.

И он написал свои изумительные «Диалоги во тьме», своеобразнейшую самоисповедь, представленную в виде бесед-диспутов с Совестью, Искусством и Вдохновением

«Согласно буддийским верованиям, существуют различные круги ада. Но, в общем, ад можно разделить на три круга: дальний ад, ближний ад и ад одиночества.»

Несмотря ни на что, Акутагава продолжал работать. Впервые в жизни он взял объектом своего анализа общество в целом. Не желая связывать себя конкретными деталями быта, он перенес действие своего нового произведения в фантастическую страну.

«Я населил мир моего рассказа сверхъестественными животными. Более того, в одном из этих животных я нарисовал самого себя». Так, в мартовской книжке ежемесячника «Кайдзо» в 1927 году появилась на свет сатирическая утопия «В стране водяных» («Каппа») — блестящий гротеск, разительная пародия на буржуазную Японию... и страшная карикатура на самого автора, плоть от плоти, кровь от крови этой Японии, ее порождение и ее жертва. Некуда было ему уйти ни от своего прошлого, ни от настоящего, ни от себя.

«Оказывается, чтобы создать книгу, в этой стране нужно только заложить в машину через специальный воронкообразный приемник бумагу, чернила и какое-то серое порошкообразное вещество. Не проходит и пяти минут, как из недр машины начинают бесконечным потоком выходить готовые книги самых разнообразных форматов. Глядя на водопад книг, извергаемый машиной, я спросил у инженера, что представляет собой серый порошок, который подается в приемник. Инженер, неподвижно стоявший перед блестящими черными механизмами, рассеяно ответил:

- Серый порошок? Это ослиные мозги. Их просушивают, а затем измельчают в порошок, только и всего. Сейчас они идут по два-три сэна за тонну.

Подобные технические чудеса, конечно, имеют место не только в книгоиздательских компаниях. Примерно такими же методами пользуются и компании по производству картин, и компании по производству музыки.»

«В стране водяных»

Акутагава предчувствовал близкую гибель и попытался освободиться от бремени «целой жизни», перенеся ее на бумагу. Возможно, он видел в этом последнюю соломинку.

Досконально, стараясь не упустить ни единой подробности, он описал свои действия и ощущения в течение нескольких дней во время одной из поездок в Токио, рассказал о страхе перед подступающим безумием, о своем отвращении к людям и к себе, о невыразимой муке повседневной жизни.

«Неужели не найдется никого, кто бы потихоньку задушил меня, пока я сплю?» — в отчаянии воскликнул он, заканчивая рассказ, и сейчас же начал новую, и последнюю, повесть, в которой изложил историю своей жизни — нет, не жизни даже, а своего внутреннего ада, своего поражения. Эти два произведения — «Зубчатые колеса» и «Жизнь идиота» — можно, пожалуй, назвать кульминацией творчества Рюноскэ Акутагавы.

«Опять стал чувствовать, что всё ложь. Политика, промышленность, искусство, наука — всё для меня в эти минуты было ни чем иным, как цветной эмалью, покрывающей ужас человеческой жизни.»

Это стало и кульминацией всей довоенной литературы Японии. В них сосредоточилось все богатство чувств и мысли замечательного писателя, все его огромное мастерство, и вместе с тем в них, как в капле тяжелой и живой ртути, отразилась безысходность и безнадежность положения, в которое загнала себя культура страны накануне самых страшных испытаний, какие когда-либо выпадали на ее долю.

Существует ли Истина и в состоянии ли человек постичь ее? По сути, все творчество писателя - попытка найти ответ на этот мучительный для него вопрос.

"Человеческая жизнь - больше ад, чем сам ад", - к этой страшной мысли Рюноскэ Акутагава пришел в конце пути. Сколько нужно было выстрадать, чтобы так написать!

Он подарил миру еще два шедевра. Но освободиться ему не удалось. Сын сумасшедшей и торговца из Ямагути, писатель Рюноскэ Акутагава, приняв смертельную дозу веронала, покончил жизнь самоубийством на рассвете 4 июля 1927 года в возрасте тридцати пяти лет.

Читатели о книгах:

«Читать Акутагаву – смотреть в пропасть.

Его жанр – новеллы, его инструмент – кисть, его техника – быстрые, но очень острые росчерки. Тонкие, как свежие весенние листья.

Его описания, которые могут прийти в голову только жителю востока, и одновременно – спокойная вневременная мудрость. Концентрированная мысль при минимальном наборе слов - умение редкое, но потрясающее.

Акутагава не жалеет ни себя, ни читателя. Если ты хочешь отыскать истину и не боишься пуститься в путешествие по темным тропам человеческих душ - он все покажет, но не будет приукрашивать, не будет объяснять.

Читать Акутагаву – как оказаться в комнате со множеством зеркал, в отражениях которых теряется реальность.»

«Свободы хотят все. Но так кажется только со стороны. На самом же деле в глубине души свободы не хочет никто. Свобода подобна горному воздуху. Для слабых она непереносима.»

«Слабость свободомыслящих состоит в том, что они — свободомыслящие. Они не готовы, как фанатики, к жестоким сражениям.»

«Чтобы сделать жизнь счастливой, нужно любить повседневные мелочи. Сияние облаков, шелест бамбука, чириканье стайки воробьев, лица прохожих - во всех этих повседневных мелочах нужно находить высшее наслаждение.»

Книги в отделе художественной литературы:

Акутагава, Рюноскэ. Семнадцать новелл : пер. с яп. / Р. Акутагава ; пер. Б. В. Дубин ; авт. предисл. Х. Л. Борхес. - СПб. : Амфора, 2000. - 397 с. - (Личная библиотека Борхеса)

Акутагава, Рюноскэ. Расёмон : сборник рассказов; пер. с яп. / Р. Акутагава ; пер. Н. И. Фельдман ; авт. предисл. Н. Фельдман. - Ленинград : Художественная литература, 1936. - 370 с.

Акутагава, Рюноскэ. Новеллы / Р. Акутагава . - М. : Худож. лит., 1959. - 416 с.

Акутагава, Рюноскэ. Избранное : пер. с яп. / Р. Акутагава ; сост., вступ. ст. и коммент. В. Гривнина. - М. : Художественная литература, 1979. - 287 с.

Акутагава, Рюноскэ. "Жизнь идиота", и другие новеллы [Текст] / Н. Фельдман. - 1971. - 447 с. : ил

Акутагава, Рюноскэ. Новеллы : пер. с яп. / Р. Акутагава; Вступ. статья А. Стругацкого ; Примеч. Н. Фельдман. - М. : Художественная литература, 1974. - 703 с., 5 л. ил. : ил. - (Библиотека всемирной литературы ; т. 129. Серия 3. Литература XX века)